

2015 ГОД – ГОД РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЕЗИДЕНТ НАШЕЙ СТРАНЫ В.В.ПУТИН ПОДПИСАЛ УКАЗ О ПРОВЕДЕНИИ В РОССИИ В 2015 ГОДУ ГОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В литературном творчестве отечественных прозаиков и поэтов неоднократно встречались темы, которые прямо или косвенно касались проблем пьянства, табакокурения и наркомании. В данном номере нашей газеты читатели ознакомятся с отдельными темами наркологического содержания.

Венедикт Васильевич Ерофеев (1938-1990гг.).

Москва – Петушки

Псевдо-автобиографическая постмодернистская поэма в прозе писателя В. Ерофеева была написана в 1969–1970 годах и распространялась в самиздате. Впервые была опубликована летом 1973 года в Израиле в журнале «АМИ», вышедшем тиражом в 300 экземпляров; затем – в 1977 году в Париже. В СССР она была опубликована только в эпоху перестройки в 1988–1989 годах, сначала в сокращённом виде в журнале «Трезвость и культура», а затем – в более полном виде в литературном альманахе «Весть» и, наконец, почти в каноническом виде в 1989 году в издательстве «Прометей».

Сюжет. Лирический герой поэмы – интеллектуальный алкоголик Веня (Веничка) Ерофеев, едущий на электричке по 125-километровому железнодорожному маршруту из Москвы в Петушки к любовнице и ребёнку. Петушки – цель поездки – описываются рассказчиком как некое утопическое место. **Веничка был уволен с поста бригадира монтажников за «внедрение порочной системы индивидуальных графиков», где были представлены данные о количестве выпитого работниками спиртного перед работой и в рабочее время.** В начале поэмы он, в глубоком запое, про-

сыпается в неизвестном подъезде, после очередной неудачной попытки найти в Москве Кремль, и решает отправиться с Курского вокзала в Петушки, где его ждёт любовница и трёхлетний сын. Веничка, в муках дождавшись открытия магазина, тратит последние деньги на спиртное и садится в электричку. **В поезде он пускается в длинные монологи об алкоголе, истории, философии, культуре и политике, беседует с попутчиками и непрерывно пьёт с ними всё, что содержит спирт и хоть как-то проходит в желудок.** Выпитое приводит к погружению в мир грёз, где Веничка становится предводителем революции в Петушинском районе. Когда Веничка время от времени просыпается, ему являются странные галлюцинации, вроде Сфинкса – существа без ног, без хвоста и без головы, который, тем не менее, дерётся именно хвостом и головой, обладает, как сказано в книге, «бандитскою рожей» и задаёт Веничке абсурдные с позиций здравого смысла, но с точки зрения математики правильно поставленные и имеющие однозначное решение загадки. Например, подсчитать, сколько раз в год знаменитый ударник Алексей Стаханов ходил по малой и по большой нужде, если учесть, что он трезвым ходил два раза в день по малой нужде и один раз в два дня – по большой, а пьяным – четыре раза в день по малой

и ни разу – по большой, и что у него 312 дней в году был запой. Причем Веничка их воспринимает на свой счёт. Он не может разгадать загадки, и Сфинкс говорит, что не пустит Веничку в Петушки. Сфинкс волочет Веничку в тамбур, где на запотевшем стекле чьим-то пальцем выведено неприличное слово, и Веничка, выглядывая из окна, по направлению движения поезда начинает понимать, что едет из Петушков в Москву – пока он спал, электричка успела побывать в Петушках и начать путь назад. В итоге он снова попадает в Москву, где за ним гонятся четверо неизвестных (не исключено, что они тоже Веничкины галлюцинации). Они настигают героя в одном из подъездов и вонзают ему шило в горло (сам автор поэмы в 1990 году умер от рака горла). *«Они вонзили свое шило в самое горло... Я не знал, что есть на свете такая боль, и скорчился от мук, густая красная буква «Ю» распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не придю»*

Начало: «Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелью, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля. Вот и вчера опять не увидел, – а ведь целый вечер крутился вокруг тех мест, и не так чтоб очень пьян был: я, как только вышел на Садовом, выпил для начала стакан зубровки, потому что по опыту знаю, что в качестве утреннего декохта люди ничего лучшего еще не придумали. Так. Стакан зубровки. А потом – на Каляевской – другой стакан, только уже не зубровки, а кориандровой. Один мой знакомый говорил, что кориандровая действует на человека антигуманно, то есть, укрепляя все члены, ослабляет душу. Со мной почему-то случилось наоборот, то есть душа в высшей степени окрепла, а члены ослабели, но я согласен, что и это антигуманно. Поэтому, там же, на Каляевской, я добавил

еще две кружки жигулевского пива и из горлышка альб-де-дессерт. Вы, конечно, спросите: а дальше, Веничка, а дальше – что ты пил? Да я и сам путем не знаю, что я пил. **Помню – это я отчетливо помню – на улице Чехова я выпил два стакана охотничьей. Но ведь не мог я пересечь Садовое кольцо, ничего не выпив? Не мог. Значит, я еще чего-то пил».**

Перед поездом: В 8 часов 16 минут из четвертого тупика отправится поезд до Петушков. Остановки: Серп и Молот, Чухлинка, Реутово, Железнодорожная. Далее – по всем пунктам, кроме Есино.

Ну, вот и все. Минута истекла. Теперь вы все, конечно, набрасываетесь на меня с вопросами: «Ведь ты из магазина, Веничка?» – Да, говорю я вам, – из магазина. – А сам продолжаю идти в направлении перрона, склонив голову влево. – Твой чемоданчик теперь тяжелый? Да? А в сердце поет свирель? Ведь правда?

– Ну, это как сказать! – говорю я, склонив голову вправо. – Чемоданчик, точно, очень тяжелый. А насчет свирели говорить еще рано... – **Так что же, Веничка, что же ты все-таки купил? Нам страшно интересно! – Да ведь я понимаю, что интересно. Сейчас, сейчас перечислю: во-первых, две бутылки кубанской по два шестьдесят две каждая, итого пять двадцать четыре. Дальше: две четвертинки российской, по рупь шестьдесят четыре, итого пять двадцать четыре плюс три двадцать восемь. Восемь рублий пятьдесят две копейки. И еще какое-то красное. Сейчас вспомню. Да – розовое крепкое за рупь тридцать семь. «В самом деле, причем тут водка? Далась вам эта водка. Да я и в ресторане, если хотите, прижимал его к сердцу, а водки там еще не было. И в подъезде, если помните, – тоже прижимал, а водкой там еще и не пахло!.. Если уж вы хотите все знать, – я вам все расскажу, погодите только. Вот похмелью на Серпе и Молоте, и Москва – Серп и Молот. и тогда все, все расскажу. Потерпите. Ведь я-то терплю! Ну, конечно, все они считают меня**

дурным человеком. По утрам и с перепою я сам о себе такого же мнения. **Но ведь нельзя же доверять мнению человека, который еще не успел похмелиться!** Зато по вечерам – какие во мне бездны! – если, конечно, хорошо набраться за день – какие бездны во мне по вечерам! Но – пусть. Пусть я дурной человек. Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов, и грёз и усилий – он очень дурной, этот человек. Утром плохо, вечером хорошо – верный признак дурного человека. Вот уж если наоборот – если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение – это уж точно человек дрянный, дельца и посредственности. Гадок мне этот человек. Не знаю как вам, а мне гадок. Конечно, бывают и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и заходу тоже рады, – так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому одинаково скверно – и утром, и вечером, – тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченый подонки и мудоэзон. Потому что магазины у нас работают до девяти, а Елисеевский – тот даже до одиннадцати, и если ты не подонки, ты всегда сумеешь к вечеру подняться до чего-нибудь, до какой-нибудь пустяшной бездны...»

Редакционный комментарий. Мне, главному редактору газеты «Липецкие наркологические вестки» Трушову Вячеславу Петровичу в восьмидесятые годы довелось служить в должности главного врача лечебно – трудового профилактория УВД Воронежской области. Слово «профилакторий» звучит почти – что «санаторий». Но ЛТП в своем роде является подобием колонии общего режима со всей исправительно – трудовой атрибутикой. Располагалось обозначенное учреждение в непосредственном соседстве с колонией строгого режима и батальоном внутренних войск. Это в 120 километрах от Воронежа на железнодорожной ветке Воронеж – Анна.

Продолжение на 2 стр.

(Окончание. Начало на 1 стр.)

Железнодорожный путь проходил между небольшим военным городком, состоящим из 2 – 3х этажных домов, которых было около полутора десятков и выше обозначенными пенициарными (тюремно – лагерными) учреждениями. По этой однопутной ветке два раза в сутки исправно курсировал так называемый рабочий поезд, из 4 – 5 общих вагонов. От Воронежа до станции Графской вагоны тащил электровоз, далее электролиния уходила в сторону Усмани и

далее на Мичуринск и Москву. А в наш край до самой Анны локомотивом был тепловоз. Поезд расстояние в сто с небольшим километров до наших домов проходил примерно за 7 часов, потому как делал остановки, что называется, у каждого столба. В этом поезде ежедневно на работу, в основном на вагоноремонтный завод, ездили свыше трехсот человек. Они забросили крестьянский труд и всей душой приросли к промышленно – индустриальному производству. Из Воронежа этот поезд отправлялся утром в 9 часов 15 минут и вечером в

21 час 15 минут. Большинство постоянных пассажиров хорошо знали друг друга и ко всякого рода чужакам относились, мягко говоря, не дружелюбно. А чужаками были офицеры и прапорщики МВД и члены их семей, по разным надобностям посещающие областной центр. По этой причине «чужаки» всегда компоновались в первом вагоне. Там же было отдельное купе для проводников поезда и двух сотрудников милиции, которые должны были поддерживать общественный порядок в вагонах. От Воронежа до Графской милиционеры чинно про-

аживались по вагонам, а после этой станции прятались до конца пути в своем служебном купе в первом вагоне. Чего же боялись милиционеры? А боялись они того, что по пути к дому до вышеуказанной станции и дальше трудовой народ упивался «в дымину». Но подознательно безошибочно на «автопилоте» вываливались на своих полустанках и разъездах. В вагонах от табака стоял дым коромыслом, работы резались в картишки, в основном в дурака. Еще они грызли семечки, плевали на пол и громко изъяснялись на

изысканном в три погубели материнном языке. И так каждый день. Заканчивалась эпоха развитого социализма. Впереди был указ о трезвости, потом перестройка и развал СССР. ЛТП упразднили. Со временем за ненадобностью поезд Воронеж – Анна отменили. Оставили два дизель – вагона от Графской до Анны. Началась другая эпоха с другими проблемами. Описанные Венедиктом Ерофеевым события в маршруте электрички Москва – Петушки были в те годы типичными для всей нашей страны.

Михаил Зоценко.

Зоценко Михаил Михайлович (1895 – 1958гг.). Участник Первой мировой войны. Советский писатель. Журналисты оспаривали право печатать его новые рассказы. Зоценко оставил нам более тысячи рассказов и фельетонов, повести, пьесы, киносценарии и многое другое – всего около ста тридцати книг вышло при его жизни.

Редакционное предисловие. Поминальный звон. В послевоенные годы в нашей стране с полем боевых сражений фронтовики привнесли особую традицию – помянуть усопших крепким алкоголем. На поминках кое – кто напивается до пены и чуть ли не до плясок. В память о покойнике на столе ставят стакан с водкой (или самогоном) и сверху на него кладут ломтик хлеба. Во времена широкомасштабного наступления на пьянство (1985–1987годы) в прессе публиковалось огромное количество статей, изобличающих распространенный порок. В частности, одна из центральных газет приводила пример трагической глупости во время похорон. Кладбище рас-

полагалось за неглубокой речушкой. Объездной мост находился на значительном расстоянии от маршрута, выбранного траурной процессией. Решили преодолеть водную преграду вброд, так происходило не раз. Но в этот раз крупно не повезло. Мужики, которые несли гроб с покойником, были настолько пьяны, что едва удерживались на ногах. Когда они вступили в реку, устойчивость потеряли окончательно. Гроб упал в воду, покойник вывалился из него и рядом с гробом поплыл по течению. Пьяная ритуальная команда стала исправлять ситуацию. При этом три человека захлебнулись и утонули. **Напиваться на похоронах и поминках чуть ли не до смерти, а порой и до смерти стало новой народной традицией. В конце двадцатого века и в наши дни установилось негласное правило. Расчет спиртного хоть на свадьбе, хоть на поминках должен соответствовать одной бутылке водки на каждого гостя (независимо от пола), вино для больных и престарелых по потребности присутствующих.**

Вместе с тем, в книге «Вечная память» о православном обряде погребения и поминовения усопших, изданной в 2011 году Московской Патриархией РПЦ, четко предписывается. После завершения обряда погребения родные и близкие покойного приглашаются, чтобы разделить общую трапезу в память об усопшем. Молитва является основной целью трапезы. При этом собравшиеся вспоминают добрые качества и поступки (отсюда и название – поминки). Трапеза за поминальным столом является еще и милостыней, за усопшего подаваемой от лица близких родственников. В память об усопшем ставится кутья (отварная пшеница или рис) с медом и изюмом. Кутья – первое блюдо, которое вкушается на поминках. Спиртные напитки можно либо совсем исключить, либо сильно ограничить, чтобы не подавать повода для неуместного веселья. Речь идет о вине, крепкие спиртные изделия появились гораздо позже создания церковных канонических текстов. **Ставить стакан со спиртным, накрытым кусочком хлеба якобы для усопшего на стол, у подножия могильного креста или под иконами – это обычай языческий, суевенный и для православных людей неприемлемый.** Ничего общего с православием не имеет традиция поминовения покойных родных и близких с обильным пиром, трапезой с неумеренным потреблением алкоголя у могил на кладбище. Так уж совсем не по православному посетитель кладбища в день Святой Пасхи, «помянув» своих родственников, не имеет никакого морального права отказать кому – либо из знакомых помянуть тем же способом и их родственников. На выходе из кладбища определенная часть «поминальчиков» едва держится на ногах. Поминальные дни в Православии установлены в 3-й, 9-й и 40-й, и в Годовщину. Нельзя приходить на кладбище «помянуть» усопших водкой и другими спиртными напитками и особенно кощунственно лить водку на могилу, этим оскорбляется память усопшего. Не следует ставить на могиле продукты, их могут съесть собаки и кошки. На кладбище Православная церковь предписывает приходить в Радоницу, после Светлой Пасхальной седмицы.

Рассказ М. Зоценко «Стакан», опубликованный в 1923 году, как раз повествует о том, что стакан на поминках был предназначен сугубо для чая. Ни о каком спиртном на столе поминальной трапезы абсолютно ничего не упоминается.

М. Зоценко «Стакан»

Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни. А вдова его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой пикничок устроила. И меня пригласила.

– Приходите, – говорит, – помянуть дорогого покойника, чем бог послал. Курей и жареных утей у нас, – говорит, – не будет, а паштетов тоже не предвидится. Но чаю хлебайте сколько угодно, вволю и даже можете с собой домой брать.

Я говорю:

– В чае хотя интерес не большой, но прийти можно. Иван Антонович Блохин довольно, – говорю, – добродушно ко мне относился и даже бесплатно потолок побелил.

– Ну, – говорит, – приходите тем более.

В четверг я и пошел.

А народу припёрлось множество. Родственники всякие. Деверь тоже, Петр Антонович Блохин. Ядовитый такой мужчина со стоячими кверху усиками. Против арбуза сел. И только у него, знаете, и делов, что арбуз отрезает перочинным ножом и кушает.

А я выкушал один стакашек чаю, и неохота мне больше. Душа, знаете, не принимает. Да и вообще чаишко неважное, надо сказать, – шваброй малость отзывает. И взял я стакашек и отложил к чёрту в сторону.

Да маленько неаккуратно отложил. Сахарница тут стояла. Об эту сахарницу я прибор и кокнул, об ручку. А стакашек, будь он проклят, возьми и трещину дай.

Я думал, не заметят. Заметили, дьяволы.

Вдова отвечает:

– Никак, батюшка, стакан тюкнули?

Я говорю:

– Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Ещё продержится.

А деверь нажрался арбуза и отвечает:

– То есть как это пустяки? Хорошие пустяки. Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тюкают.

А Марья Васильевна осматривает стакан и всё больше расстраивается.

– Это, – говорит, – чистое разорение в хозяйстве – стаканы бить. Это, – говорит, – один – стакан тюкнет, другой – крантик у самовара начисто оторвёт, третий – салфетку в карман сунет. Это что ж и будет такое?

А деверь, паразит, отвечает:

– Об чём, – говорит, – речь. Таким, – говорит, – гостям прямо морды надо арбузом разбивать.

Ничего я на это не ответил. Только побледнел ужасно и говорю:

– Мне, – говорю, – товарищ деверь, довольно обидно про морду слушать. Я, – говорю, – товарищ деверь, родной матери не позволю морду мне арбузом разбивать. И вообще, – говорю, – чай у вас шваброй пахнет. Тоже, – говорю, – приглашение. Вам, – говорю, – чертям, три стакана и одну кружку разбить – и то мало. Тут шум, конечно, поднялся, грохот.

Деверь наиболее других колбасится. Съеденный арбуз ему, что ли, в голову бросился.

И вдова тоже трясётся мелко от ярости.

– У меня, – говорит, – привычки такой нету – швабры в чай ложить. Может, это вы дома ложите, а после на людей тень наводите. Маляр, – говорит, – Иван Антонович в гробе, наверное, повертывается от этих тяжёлых слов... Я, говорит, щучий сын, не оставлю вас так после этого.

Ничего я на это не ответил, только говорю: – Тьфу на всех, и на деверя, – говорю, – тьфу.

И поскорее вышел. Через две недели после этого факта повестку в суд получаю по делу Блохиной.

Являюсь и удивляюсь. Нарсудья дело рассматривает и говорит:

– Нынче, – говорит, – все суды такими делами закрючены, а тут ещё не угодно ли. Платите, – говорит, – этой гражданке двугривенный и очищайте воздух в камере.

Я говорю: – Я платить не отказываюсь, а только пущай мне этот треснувший стакан отдадут из принципа. Вдова говорит:

– Подавься этим стаканом. Бери его.

На другой день, знаете, ихний дворник Семён приносит стакан. И ещё нарочно в трёх местах треснувший.

Ничего я на это не сказал, только говорю:

– Передай, – говорю, – своим сволочам, что теперь я их по судам затаскаю.

Потому действительно, когда характер мой задет, – я могу до трибунала дойти.

Редакционное предисловие к рассказу «Лимонад». В годы перестройки в период с 1985 по 1987 годы в СССР предпринимались попытки всеобщего протрезвления народа указом «сверху». При всей неоднозначности и спорности применяемых в ту пору мер, наряду с явными абсурдами и перегибами, удалось спасти свыше миллиона человеческих жизней, разрядить криминогенную обстановку, наладить моральный климат в семьях и в обществе в целом.

Продолжение на 3 стр.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891 – 1940 г.г.).
По образованию врач. Известный русский писатель.

«Морфий»

Впервые он был опубликован в журнале «Медицинский работник» в 1927 году. Рассказ-повесть «Морфий» имеет особый стержень и нравственный смысл. Булгаков одержал величайшую победу над коварнейшим и тягчайшим недугом и уже тем самым может быть поставлен в ряд выдающихся личностей, способных преодолеть непреодолимое. Он это понимал гораздо яснее, чем его ближайшие родственники, которые стремились любыми способами скрыть то, что не нужно было скрывать. Публикуя «Морфий», Булгаков проявил высочайшую сознательность, ибо с точки зрения житейской, в худшем смысле этого слова, ему лучше было об этом молчать. Но Булгаков в данном случае думал не о себе (он уже одержал славную победу), а о тех несчастных, кому суждено будет вкусить яду и кому вряд ли удастся преодолеть ужаснейший недуг. Он стремился предупредить тех, кто мог вступить на этот гибельный путь. Рассказ «Морфий» своей пронзительной правдой, достигнутой благодаря личному опыту, несет такой заряд назидательной силы, какой вряд ли до этого встречался в художественной литературе.

Начало: «Давно уже отмечено умными людьми, что счастье – как здоровье: когда оно налицо, его не замечаешь. Но когда пройдут годы, – как вспоминаешь о счастье, о, как вспоминаешь! На столе перед воспаленными от чтения глазами лежат вскрытый конверт и листок. На нем написано:

«Милый товарищ! Я не буду Вас дожидаться. Я раздумал лечиться. Это безнадежно. И мучиться я тоже больше не хочу. Я достаточно попробовал. Других предостерегаю: будьте осторожны с белыми, растворимыми в

25 частях воды кристаллами. Я слишком им доверился, и они меня погубили. Мой дневник вам дарю. Вы всегда мне казались человеком пытливым и любителем человеческого документов. Если интересует Вас, прочтите историю моей болезни. Прощайте. Ваш С.Поляков». 15 февраля.

Вчера ночью интересная вещь произошла. Я собирался ложиться спать, как вдруг у меня сделались боли в области желудка. Но какие! Холодный пот выступил у меня на лбу. Все-таки наша медицина – сомнительная наука, должен заметить. Отчего у человека, у которого нет абсолютно никакого заболевания желудка или кишечника (аппенд., напр.), у которого прекрасная печень и почки, у которого кишечник функционирует совершенно нормально, могут ночью сделаться такие боли, что он станет кататься по постели? Со стоном добрался до кухни, где ночует кухарка с мужем своим, Власом. Влас отправил к Анне Кирилловне. Та ночью пришла ко мне и вынуждена была впрыснуть мне морфий. Не могу не воздать хвалу тому, кто первый извлек из маковых головок морфий. Истинный благодетель человечества. Боли прекратились через семь минут после укола. Интересно: боли шли полной волной, не давая никаких пауз, так что я положительно задыхался, словно раскаленный лом воткнули в живот и вращали. Минуты через четыре после укола я стал различать волнообразность боли: Было бы очень хорошо, если б врач имел возможность на себе проверить многие лекарства. Совсем иное у него было бы понимание их действия. После укола впервые за последние месяцы спал глубоко и хорошо, – без мыслей

о моей, обманувшей меня. 16 февраля. Сегодня Анна Кирилловна на приеме осведомилась о том, как я себя чувствую, и сказала, что впервые за все время видит меня не хмурым. – Разве я хмурый?

– Очень, – убежденно ответила она и добавила, что она поражается тем, что я всегда молчу.

– Такой уж я человек. Но это ложь. Я был очень жизнерадостным человеком до моей семейной драмы.

Сумерки наступают рано. Я один в квартире. **Вечером пришла боль, но не сильная, как тень вчерашней боли, где-то за грудную костью. Опасаясь возврата вчерашнего припадка, я сам себе впрыснул в бедро один сантиграмм. Боль прекратилась мгновенно почти.** Хорошо, что Анна Кирилловна оставила пузырек. 18-го. Четыре укола не страшны. 25 февраля. Чудак эта Анна Кирилловна! Точно я не врач, 1/2 шприца = 0,015 morph.? До марта. Доктор Поляков, будьте осторожны. Вздор. Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. **И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфием.** В самом деле: куда, к черту, годится человек, если малейшая невралгия может выбить его совершенно из седла! 19 марта.

Ночью у меня была ссора с Анной К. – Я не буду больше готовить раствор.

Я стал ее уговаривать: – Глупости, Аннуся. Что я, маленький, что ли? – Не буду. Вы погибнете.

– Ну, как хотите. Поймите, что у меня боли в груди! – Лечитесь. – Где?

– Уезжайте в отпуск. Морфием не лечатся. (Потом подумала и добавила.) Я простить себе не могу, что приготовила вам тогда вторую склянку. – **Да что я, морфинист, что ли?** – Да, вы становитесь морфинистом. – Так вы не пойдете? – Нет. Тут я впервые обнаружил в себе неприятную способность злиться и, главное, кричать на людей, когда я не прав. Впрочем, это не сразу. Пошел в спальню. Посмотрел. На донышке склянки чуть плескалось. Набрал в шприц – оказалось четверть шприца. Швырнул шприц, чуть не разбил его и сам задрожал. 9 апреля. **Весна ужасна. Черт в склянке. Кокаин – черт в склянке!**

Действие его таково: При впрыскивании одного шприца двухпроцентного раствора почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. И потом все исчезает бесследно, как не было. Наступает боль, ужас, тьма. Весна гремит, черные птицы перелетают с обнаженных ветвей на ветви, а вдали лес щетиной ломаной и черной тянется к небу, и за ним горит,

охватив четверть неба, первый весенний закат. Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать – не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав иодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот: я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И вот она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие сквозь стекло ко мне, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор. Но вот мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологии, превращается во что-то новое. **Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью. И никнет Влас на крыльце, и я ненавижу его, а закат, беспокойно громыхая, выжигает мне внутренности. И так несколько раз подряд, в течение вечера, пока я не пойму, что я отравлен. Сердце начинает стучать так, что я чувствую его в руках, в висках... а потом оно проваливается в бездну, и бывают секунды, когда я мыслю о том, что более доктор Поляков не вернется к жизни... 13 апреля. Я – несчастный доктор Поляков, заболевший в феврале этого года морфинизмом, предупреждаю всех, кому выпадет на долю такая же участь, как и мне, не пробовать заменить морфий кокаином.**

Кокаин – сквернейший и коварнейший яд. Вчера Анна еле отходила меня камфарой, а сегодня я – полутруп... 18 мая. Душная ночь. Будет гроза. Брюхо черное вдали за лесом растет и пучится. Вон и блеснуло бледно и тревожно. Идет гроза. Книга у меня перед глазами, и в ней написано по поводу воздержания от морфия: «...большое беспокойство, тревожное тоскливое состояние, раздражительность, ослабление памяти, иногда галлюцинация и небольшая степень затемнения сознания...» Галлюцинаций я не испытывал, но по поводу остального я могу сказать: о, какие тусклые, казенные, ничего не говорящие слова! «Тоскливое состояние»!.. Нет, я, заболевший этой ужасной болезнью, предупреждаю врачей, чтобы они были жалостливее к своим пациентам. **Не «тоскливое состояние», а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя... в теле нет клетки, которая бы не жаждала... Чего? Этого нельзя ни определить, ни объяснить. Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия! Смерть от жажды райская, блаженная смерть по сравнению с жаждой морфия. Так живо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги... Смерть – сухая, медленная смерть... Вот что кроется под этими профессорскими словами «тоскливое состояние».**

**ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ИНФОРМАЦИЯ
О ФАКТАХ СБЫТА НАРКОТИКОВ ИЛИ ДРУГИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НАРКОТИКОВ, ОБРАЩАЙТЕСЬ**

ПО ТЕЛЕФОНУ ДОВЕРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ФСБ РОССИИ ПО ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ
(4742) 25-27-25 (КРУГЛОСУТОЧНО, АНОНИМНО)
ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА: ufskn@lipetsk.ru

Продолжение темы в последующих номерах.

Липецкие наркологические вести.
Главный редактор: Трушов В.П.
Компьютерный набор текста: Игошина Е.В.
Учредитель и издатель: ГУЗ «Липецкий
областной наркологический диспансер»
Индекс подписки 73757.

16+

Адрес издателя: 398006, г. Липецк, ул. Ленинградская, 18, телефон 73-06-45.
Адрес редакции: 398006, г. Липецк, ул. Студенческая, 11, телефон 73-05-21.
Газета зарегистрирована в ФГУ ЦЧ МТУ МПТР России,
рег. № ПИ 6-0311 от 21.05.2001г.
Тираж 900 экз. Объем 1 п.л. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Веда социум»,
398055 г. Липецк, ул. Московская, 83.
Подписано в печать по графику 26.01.2015 г.
в 12.00 фактически в 12.00.
Заказ № 1035.